

нию сюжета о покаянии дьявола) // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 2001. Вып. 3. С. 67—80.

⁶ Народные русские легенды А.Н. Афанасьева / Сост. В.С. Кузнецова. Новосибирск, 1990. С. 125—126.

⁷ См.: Дурново Н.Н. Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной русской литературе // Древности. Труды Славянской комиссии Московского Археологического общества. М., 1907. Т. 4. Вып. 1. С. 54—152.

⁸ Христианские легенды хутора Новопокровского / Публ. А.И. Зудина // ЖС. 2007. № 3. С. 13.

⁹ Фундаментальное исследование духовных и покаянных стихов русских старообрядцев на материале нескольких рукописных собраний Древлехранилища ИРЛИ осуществлено Т. Философовой (см.: *Filosofova T. Geistliche Lieder der Altgläubigen in Russland. Bestandsaufnahme — Edition — Kommentar.* Köln; Weimar; Wien, 2010). Наш проект предполагает более детальное изучение «карельских» стиховников, как старообрядческих, так и новообрядческих.

¹⁰ Дмитриев Л.А. Состояние и перспективы изучения книжно-рукописных традиций Заонежья // Рукописное наследие Древней Руси: по материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 336.

¹¹ Дмитрий Ростовский. Книга житий святых: декабрь, январь, февраль. Киев, 1695. Л. 463—464 об.

¹² См.: Петрова Л.А. Духовные стихи в усть-цилемской рукописной традиции // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар, 1989. С. 95.

¹³ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 135—136.

¹⁴ См.: *Combes F. SS. Patrum Amphilochei Iconiensis, Methodii Patrensis, et Andreae Cretensis Opera omnia.* Parisiis, 1644. P. 91—115. Впрочем, к числу подлинных сочинений св. Амфилохия эта гомилія не принадлежит (см.: *Holl K. Amphilocheus von Ikonium in seinem Verhältnis zu den grossen Kappadoziern.* Tübingen; Leipzig, 1904. S. 58—59).

¹⁵ Исправлено, в рукописи «исповѣдать».

¹⁶ Исправлено, в рукописи «иводить».

¹⁷ Рядом написан варинат «оль», т. е. «отколь».

¹⁸ Исправлено, в рукописи «ройскаго».

¹⁹ Исправлено, в рукописи «пре-леть».

²⁰ Исправлено, в рукописи «очайся».

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-14-10001 («Изучение и описание Карельского собрания рукописей Древлехранилища им. В.И. Малышева ИРЛИ РАН»)

В.В. ВИНОГРАДОВ

ГОРШОК НА ГОЛОВУ, ИЛИ КАК УБЕРЕЧЬСЯ ОТ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ

Использование гончарной посуды в ритуальных и магических практиках не раз привлекало внимание исследователей (см., например: [15; 16]). Одно из общих мест — антропоморфность горшка; он уподобляется как человеческой фигуре в целом (у него есть «шейка», «плечико», «тулово»)¹, так и голове [16. С. 527]. Последнее уподобление часто актуализируется в разговорной речи в высказываниях типа «голова как пустой горшок»². Аналогия «голова—горшок» используется в бытовой магии. Например, с целью повлиять на свойства будущего урожая капуста производится ряд действий, актуализирующих сопоставление «горшок—голова—кочан»: «Докончив посадку, в начальном краю гряды [женщина] ставит большой горшок дном вверх, накладывает на него камень и покрывает белым платком с приговором: "Щоб капуста була туга, як каминец, головага, як горшок, а бела, як платок!"» [1. Т. 1. С. 34]³. Можно назвать другие сопоставления такого рода — например, с растениями, обувью и т.д. [6; 11].

Остановимся на случаях, когда «псевдоголова» в магических практиках заменяет «настоящую» голову. Иногда заместителем головы выступает верхняя часть лаптя, ср. рассказ о спасении коровы: «Раньше пастухи, было, вот я помню... Скотинку выгонят. Они этой скотинке делали вот этот обход... Вот пироги-то вот эти несли... <...> Но за обход оне должны уплатить... Который опытный пастух, дак он возьмёт да, допустим, там... проговорит ему сапог. И он возьмёт лапоть ему и отдаст. Да, а который неопытный пастух-то, дак он голову... Надо голову, значит, он возьмёт да... Коровушка какая — чья-нибудь — и погибнет. А так он от этого, от лаптя, было, эту головашку отрубит — и вот на! [Вот тебе и голова?] Голова! И рассчиталсы, и в тот год уже никака скотинка, было, не... не погибнет от несчастного вот случая» [АГА].

Однако чаще заместителем головы является горшок. На Средней Мсте⁴ мною был записан ряд текстов, в которых описывалось следующее магическое действие: человеку, напуганному нечистой силой, предписывалось надеть на голову горшок. Эта манипуляция объяснялась тем, что нечистый дух

погонится за испугавшимся человеком и обязательно ударит его кнутом по голове; таким образом, разобьется горшок, а не голова, а черт удовлетворится одним ударом⁵.

Упоминания об этом обереге встречаются в разных контекстах.

Ситуация первая. На Святки девушки ходили гадать на перекресток дорог⁶. Парни, которые выведывали о таких планах, часто подкарауливали их и пугали:

1. Собираюца девчонки слушать, иттить слушать. Ага, на кресты: так дорога, и так дорога, вот на крестах надо стоять слушать, пока не прислышицы. А мальчишки подслушали. Девчонки пошли, очертили круг на снегу, стали в круг. Слышат, свадьба едет: колокольчики звенят. <...> Вот: «Ага, ты замуж выдѣшь, нынче замуж выдѣшь — колокольчики...» А мальчишки там нарядились, чтобы их не узнать, взяли эти бубенчики, колокольчики... эти, как их... подгърки называюца. Раньше на свадьбы-то ездили, дак эти бубенчики-то подгърки называли. Ну, и ближе и ближе... Оны: «Аминь», а девчонки — «Аминь», а эти ближе... это и... И кто куда побегали: с испугу-то поди знаешь что! <...> И домой! Ага, домой прибежали. А старухи-то... ну, старухи-то больше знали, чем мы, ну... А старухи: «Чего-чего?» — «Да напугались!» Чего-чего напугались, да надо горшки бить! Скоко горшков разбили, что, говорит, черти не пришли, не догнали. [Горшки на перекрестке били?] Нет, почѣму! Домой... вот о порог били, чтобы в избу не вошли черти [смех] [НМИ].

2. У нас бегали слухать во Святки... вот сюды на хрѣсты. Да. [Там как-то очертиться надо было?] Да, делали чѣртѹ. Ну мы вот тут собрались, поговорили. Ну, мы скажѣм другим, чтобы вот... скоко человек. Ну что, договорились... <...> Ну узнали, молодѣжь узнала, что девки пойдут слухать. Парни узнали. Ну и... а посадка была: вот, где Герман живѣт у нас в этом доме. Мы жили там. Ну и вот, эти девки ушли. Очертили там. И брат мой взят за товарища... молоденький парнишка. <...> Одна партия робят пошли по этой дороге: вот к Опутям — туда к жальничку — спрятались. Друга партия к Устью суды пошли по дороге. Ну вот, одна там кричит, за которую слухают там, тоѣ-то, что прислышалось. Ой, вез-

де: то колокольчики, гармони... Отгуль с гармонью, с той — с колокольчикам. [Это всё к добру слышится: гармонь и колокольчики?] Да, хорошо... Ну и вот, эти девки думают: не. Аминяг... всё равно ближе двигаюцы. А оны... молодёжь-то путат их! Как они бегут вот оттель с горы-то. К нам прибежали, ещё отец жив был: «Ой, дядя Ваня, давай горшки!» Упали... Одна упала поперёк полу, ей худо сделалось. Ой! [Зачем горшки?] Да а черти-то едут... бегут-то с кнутам! А так, хоть ударя о горшок... по горшку, не по мне. [Его надо было на голову надеть?] На голову над одевать, горшок. [Если черти будут кнутами бить?] Да, по горшку будут бить. Вот. Ой! Потом отцу-то и говорит: «Успокойтесь, успокойтесь...» Наш Василий упавши, напугалиси: отгуль и отсуль — отовсюду за им бегут. Они аминяг, а... за им [бегут]. Вот. Потом как собрались, как подняли рёву — смеяцы: напугали девок [ОИМ].

Ситуация вторая. Горшок использовался как заместитель головы при разгуле нечистой силы, например, в связи со смертью сильного колдуна:

3. Не, раньше больше как-то вот такого интересного было. Вот этот дядюшка наш. Ну он грамотный был. Раньше вот гонки-то гоняли по рикам... мальчишкам... в Ленинград. <...> В Ленинград гнали гонки, в общем, там где-то по каналу. Сначала по Мсты, а потом там по каким-то каналам все равно, говорит, в Ленинград гоняли гонки. Да, говорит, и это. Плыли-плыли, темницы. Да, друга деревня далеко: «Давайте в этой деревне ну попросимси ночевать». Вот, говорит [дядюшка], остались мы ночевать. Остались ночевать у бабки. А бабка, говорит, жила... старика не было. <...> Я, говорит, прихожу, а бабка и говорит: «<...> Вот в соседний деревне, — говорит, — свадьба. Ну, девка замуж, — говорит, — выходит... <...> А в нашей, — grit, — деревне колдун, говорит, умёр. Этот колдун, — говорит, — зря его не похоронят: он что-нибудь начудит». А я такой, говорит, вроде... и смелый был. Вот. Я говорю: «Ну уж я покойников не боюсь... Живых ни боюсь, а покойников — тем более». Ну ланно. Это я, говорит, пошёл... Там привязал, говорит, там эти все гонки. Он как старший был. Проверил, говорит, привязал эти все гонки. Пошёл. Прихожу домой, а уже молодёжь-то ушла в соседнюю деревню туда на свадьбу. Вот. А эта бабка и говорит: «Смотри, сынок, пойдёшь, — говорит... Колдун... так его не похоронят, он чего-нибудь начудит». У меня, говорит, така силища была тожо. Ну, я, горит, не показывал эту силу, что у меня такая богродимая сила [т.е. он был

силачом]. Раньше прогоны... вот выгон скота-то... это дак, прогоны городили и гоняли. Она говорит: «Вот иди по этому прогону, а потом, — говорит, — там налево дорожка и ты, — говорит, — свернёшь туда. Раз, — говорит, — хошь, дак иди». Я, говорит, иду по прогону-то, смотрю, говорит... Вот баба, необыкновенная баба: зубы скалит и вот так руки растопаривает и не пускает меня, говорит, по прогону идтить-то. Вот. Я говорю: «Отойди! Отойди!» Вот. Она: «Не отойду!» И вот, говорит, улыбица — у ей, говорит, больше, чем у лошади, зубов! Вот такие... Я, говорит, она меня ловит — эта баба! [Я, говорит], жердь отломил. Она, говорит, ко мне повернулась, я, говорит, как дал, горит, жердь-то ей... этим комлем-то по зубам. Она, говорит, рот-то успела открыть и зажирула. А поштал — ни туда ни сюда, говорит, ни шевельнуть, жердь-то! Ну, он прибежал... За порог-то прибежал к этой бабке, где остановились, прибежал и упал. Ну эта бабка, верно, тоже не шиш-ворона. Она горшок достала, горшок на голову надела, зааминала. Он лежал-лежал, а потом говорит: «Бабушка, не знаю, что со мной». <...> Она: «Я ти говорила, что колдун умёр, он... не пустит тебя там». Вот. «Ляг!» И вот... Я, говорит, лёг <...>. «Ланно, вот у меня горшок есть да... Я, — говорит, — над головой разобью, тебе, — говорит, — чудца не будит, ты уснёшь». И вот, он говорит, она меня усыпила. А потом, говорит, молодёжь-то пришла, а бабка-то, говорит, рассказала. Оны вси: ха-ха-ха... ха-ха-ха! Я говорю, вы думаете, я вру? Подёмте, я погляжу. Пошли, говори. Дошёл до этого места, а там, говорит, берёзовый пенёк стоит гнилой. Правда, говорит, это жердь-то, говорит, как дана, говорит, это туда... И, говорит, завязавши эта жердь... оставлена у меня... я, говорит, убежал... А бабка: «Не смейте хохотать! Это, — говорит, — ему привиделось».

[Для чего бабка мужику горшок на голову надевала?] Чтоб это... старые говорили, что если чертей напугалсы, то это горшок надо. Если оны хлынут, дак горшок разьездитца, человек останется жив. [На человека, который испугался, надо горшок надевать?] Да-да, спугался, надо горшок надевать. И одеть надо было... как мы... что мы? Надо какийё-то заговёры [знать] [НМИ].

Итак, в одном случае битье горшков фигурирует в гаданиях на Святки, в другом оно является следствием неразумного контакта с нечистой силой. Во-первых, горшок разбивают о порог⁷, чтобы «нечистые» не вошли в избу. Само это действие⁸ не допускает нечистых духов до человека. Во-вторых, горшок, надеваемый на голову, служит

ее «заменой», которая принимает на себя удар, по мнению моих собеседников — проверенное средство от испуга особого происхождения. При этом само по себе надевание горшка на голову занимало их гораздо меньше, чем события, провоцирующие это действие; об этой манипуляции мои собеседники рассказывали не специально, а только в контексте «подходящего» повествования.

Схожий материал находим в рассказе о неудавшемся святочном гадании из Череповецкого уезда Новгородской губ., опубликованном С.В. Максимовым [8. С. 242—243]. В Заонежье в 1926 г. был зафиксирован мифологический рассказ про Дуню/Дарью Ригочницу [9. С. 293—294, 303—305]. В отсутствие родителей девушки приглашают на посиделки демонического персонажа, который приходит с явно недружелюбными намерениями. «Тут они (девушки. — В.В.) вместо голов на печку горшки положили, кудели вместо волос — на воронец, а сами спрятались — кто в подпол, кто в печь, кто в курятник, кто на полку. Ну, приходит Дарья Ригочница и видит на печке горшки. Она думает, что это головы, взяла горшки и поломала. Потом кудели распустила» [9. С. 293]. Подмену головы горшком находим в мифологической прозе тихвинских карел: «Собравшись на перекрестке в 12 часов ночи, очерчивали вокруг гадающих принесенной из дома лучиной круг. Однажды <...> услышали колокольчик не с той стороны, где жил жених гадавшей, и, испугавшись ("Чур, чур, аминь. Хватит"), бросились бежать — "ноги по дороге, боялись, что задавят черти". Дома кто ведро, кто подойник на голову одел, зная, что черти будут бить по голове, и на печку залезли» [17. С. 303]⁹.

«Голова-горшок» становится важным «подспорьем» даже в случае намеренного контакта человека с нечистой силой. Например, у белорусов во время получения на перекрестке «охотничьего дара» к человеку подходит «чудовище». Его голова покрыта горшком. Далее нечистый дух перекладывает этот горшок на голову человека, который не должен испугаться [18. С. 8].

В Святки горшок на голову надевают не только гадающие, но и ряженные, изображающие гостей из иного мира. Например, на этом построена святочная игра «в быка» [8. С. 247], где глиняная посуда изображает голову животного. «Быка» водили по всей деревне и в итоге убивали. У карел в момент ритуального заклания «живот-

ного» палкой били по голове-горшку [7. С. 233—235].

Мотив надевания горшка на голову как специфическую (и неосознанную) реакцию на испуг от неожиданного появления нечистой силы находим в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя. В восьмой главе «Сорочинской ярмарки», когда персонаж рассказывает историю о «красной свитке», внезапно является «нечистая сила». Ужас обуял всех слушателей. «А Черевик, как будто облитый горячим кипятком, схвативши на голову горшок, вместо шапки, бросился к дверям и, как полуумный, бежал по улицам, не видя земли под собою; одна усталость только заставила его уменьшить немного скорость бега. <...> В изнеможении готов уже был он упасть на землю, как вдруг послышалось ему, что сзади кто-то гонится за ним... Дух у него занялся... "Чёрт! Чёрт!" — кричал он без памяти, утрая силы, и чрез минуту без чувств повалился на землю» [2. С. 44]. Продолжение находим далее, в девятой главе: «Смотрите, братцы! — говорил другой, поднимая черепок из горшка, которого одна только уцелевшая половина держалась на голове Черевика, — какую шапку надел на себя этот добрый молодец!» [2. С. 45].

Как видим, герой Н.В. Гоголя тоже надевает горшок на голову, чтобы спастись от нечистой силы¹⁰. Структура повествования напоминает новгородские фольклорные тексты: «страх перед нечистой силой — надевание горшка на голову — бегство — погоня — черт настигает человека — горшок разбивается на голове последнего».

Итак, горшок как заместитель головы не только оказывается верным способом избавиться человека от ужаса перед нечистой силой, но и может сохранить ему жизнь. Погибает двойник, «голова — пустой горшок». Формы вербализации представления могут быть разными (устный рассказ, быличка, сказка и т.д.), суть же остается неизменной: в соответствующей ситуации горшок должен быть на голове, чтобы сохранить ее в целостности и сохранности.

Примечания

¹ В словаре В.И. Даля находим подборку загадок, которая строится на сопоставлении человека и горшка [3. Т. 1. С. 383]. Об «именах» горшка в загадках см.: [19. С. 60].

² Ср. выражение: «У него башка из табачного горшка» [3. Т. 1. С. 383].

Другую параллель «горшок—шапка», находим в русской сказке. Ваня-дурак, возвращаясь с рынка, увидел врытые в землю столбы: «"Эти бедны солдатишки без сапожки стоят". Взял, да одел горшочки им. И: "Вот хорошо" — говорит» [4. С. 243].

³ Аналогия «капуста—голова» активно проявляется в связи с днем усекновения главы Иоанна Предтечи (29.VIII/11.IX) [13].

⁴ Все цитируемые в статье полевые материалы были записаны автором в 2000 г. в Маловишерском р-не Новгородской обл.

⁵ Этот факт интересно сопоставить с семантикой единичного удара и опасности нанесения вторичного удара по нечистой силе [14. С. 463—468].

⁶ Ситуация гадания на перекрестке подразумевает непосредственный контакт с нечистой силой. В некоторых случаях артелью девушек руководит «знающая» женщина, умеющая вызывать чертей. Как правило, нечистая сила подает звуковые сигналы, но при неправильных действиях может и напасть на гадающих.

⁷ Ср. у сербов: плакальщица бьет о порог чашку или бутылку с водой, когда приходит в дом покойного [12. С. 141].

⁸ Широко распространено ритуальное битье горшков во время свадебного обряда. О битье посуды во время похоронного обряда см.: [10. С. 200]. На Средней Мсте при лечении ребенка «на смерть» его накрывали корытом и били горшок. После этого младенец должен был либо быстро умереть, либо сразу пойти на поправку.

⁹ Схожие представления находим в литовском фольклоре: «Девушка замечает, что ноги у парня такие, как у петуха / у лошади, / у него сапог пустой. <...> Девушка надевает на голову горшок. Покойник хватает ее за голову — уносит горшок» [5. С. 153, 358].

¹⁰ Ср.: «На Украине и в Польше новый горшок надевали на голову, чтобы обмануть беса или ходячих покойников» [16. С. 527].

Литература

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1—3. М., 1994. [Репринт. изд. 1865 г.].
2. Гоголь Н.В. Собрание художественных произведений: В 5 т. 2-е изд. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки. М., 1959.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.
4. Карнаухова И.В. Сказки и предания Северного края / Подгот. текстов, вступ. статья, коммент. М.Н. Власовой. СПб., 2006.

5. Кербелите Б. Типы народных сказаний. Структурно-семантическая классификация литовских этиологических, мифологических сказаний и преданий. СПб., 2001.

6. Колосова В.Б. Человеческое тело и растения: взаимные отношения кодов // Образный мир традиционной культуры. М., 2010. С. 239—254.

7. Конкка А.П. Календарные обряды карел XIX — начала XX в. Святочное ряжение // Финно-угры и соседи: Проблема этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах. СПб., 2002. С. 218—249.

8. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994.

9. Незиданные материалы экспедиций на Русский Север 1926—1928 гг. Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. М.Н. Власовой. СПб., 2011.

10. Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.

11. Тихомирова А.В. Лапоть в русской диалектной фразеологии // ЖС. 2011. № 2. С. 53—56.

12. Толстая С.М. Обрядовое голошение: лексика, семантика, прагматика // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 135—148.

13. Толстая С.М. Иван Головосек // Славянские древности: Этнолингв. словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 368—370.

14. Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. М., 2003.

15. Топорков А.Л. Домашняя утварь в поверьях и обрядах Полесья // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX — начала XX в. Вып. 2. М., 1990. С. 67—135.

16. Топорков А.Л. Горшок // Славянские древности... Т. 1. М., 1995. С. 526—530.

17. Фишман О.М. Жизнь по вере: Тихвинские карелы-старообрядцы. М., 2003.

18. Швед И.А. Традиционные верования белорусов, связанные с охотой // ЖС. 2009. № 2. С. 8—10.

19. Юдин А.В. Ономастикон восточнославянских загадок. М., 2007.

Список информантов

АГА — Александра Григорьевна Андреева, 1924 г.р., урож. д. Островцы, живет в д. Гарь.

НМИ — Нина Михайловна Иванова, 1931 г.р., урож. д. Мокловича (ныне Любытинский р-н Новгородской обл.), живет в д. Опуты.

ОИМ — Ольга Ивановна Михайлова, 1923 г.р., д. Гарь.